Мераб Константинович Мамардашвили

ФИЛОСОФИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Я не знаю, ответит ли мое выступление на ваши, психологов, ожидания и совпадает ли оно с какими-нибудь главными направлениями вашей работы, вероятно, даже лучше, если не совпадает, а будет каким-то взглядом со стороны. Оно, может быть, вызовет в вашей голове какие-нибудь ассоциации, которые могут оказаться полезными и над которыми я, слава Богу, не буду иметь контроля, и поэтому они смогут оказаться плодотворными.

Тема моего сообщения - "Философия и личность". Я прошу с самого начала понять меня правильно: замысел выступления не состоит в том. чтобы излагать какую-нибудь философскую теорию личности. Я вообще сомневаюсь, что такая есть и что такая возможна. Я лишь хочу высказать какие-то соображения о связи этих двух вещей, каждая из которых не ясна, и поскольку мне чудится, что есть какое-то особое, близкое отношение между личностью и философией, и что-то выделяющее это отношение из всех возможных отношений, как философии с чем-то другим: с наукой, например, с миром, так и личности с чем-то другим, скажем, с индивидом, с процессами обучения человека и т. д. Есть что-то близкое, что одновременно из совокупности других проблем выделяет и то, и другое. И вот я, вращаясь в рамках интуитивного представления и о том, и о другом, и не претендуя ни на какие определения отдельно личности или философии, пытаюсь просто эксплицировать нашу интуицию, которая есть у всех нас. Мы иногда не обращаем на нее внимания, хотя на уровне обычного словоупотребления довольно точно применяем термины и понятия, скажем, когда мы говорим на уровне интуиции о ком-то, что это - личность: большая, маленькая, - совсем не в этом смысле, я имею в виду, когда мы поступок называем личностным, именно *этот* поступок называем и к нему прилагаем *это* слово, а не другое; и на это есть какие-то основания в нашей интуиции, в нашем обыденном словоупотреблении.

Точно так же есть какие-то основания, по которым нам и хочется, и колется зачислять философию в науки. Мы знаем, что философия - это теория, это работа с понятиями, т. е. определенный вид интеллектуальной теоретической деятельности. И тем не менее, когда кто-нибудь говорит нам, что философия - это наука, мы как-то невольно вздрагиваем. Вот почему вздрагиваем? В чем здесь дело? Та общая связка одного и другого, связка, которая вместе выделяет в особую, взаимосвязанную проблему философию и личность, она. эта связка. лежит в одном очень интересном обстоятельстве самой человеческой жизни, сознательной жизни, и в самом феномене. который мы, тоже интуитивно, называем "человек", выделяя его в какой-то специфический облик, без каких-либо определений (я специально такие слова и употребляю), выступающий на фоне Вселенной, космоса, на фоне существ, которые составляют Вселенную. Что-то в нем есть и особенное, выделяющее его, и таинственное, очевидно. Во всяком случае, самые большие проблемы, перед которыми стоит человек - это те загадки, которые он *сам-собой-себе-задан.*. То есть самой большой проблемой для человека является, конечно, - человек: ничто и никто не может ему так напакостить, в смысле затруднить ему мысль, как он же сам себе. Но это не случайно. Это связано не с тем, что человеческие глубины непознаваемы, что это тайна и мрак, а, очевидно, с тем, что человек есть такое существо, которое вообще существует, только задавая вопросы.

В философии уже давно есть традиция выделения особой категории вопросов, которые называются иногда символами, иногда просто вопросами, требуют особой, специальной техники их формулирования и обработки и которые - суть вопросы, не имеющие ответа в том смысле, что они и не требуют такого ответа, их смысл и функция состоят в том, чтобы быть заданными, т. е. философия показывала, что есть некоторое существо, факт конституирования и бытийствования которого *проявляется* вопросом. Ну, скажем, в экзистенциальной философии особенность человеческого существования была давно выявлена и определена так: в составе бытия человеческое существо есть такое существо, которое задает вопрос о своем бытии. И это

отличает его от всех других. Я чисто произвольно цитирую просто для того, чтобы создать ассоциативное слежение за мыслью, и не хочу никаких определений, каких-нибудь окончательных формулировок, и тем более, не хочу, упаси меня Бог, дискуссии по этому вопросу. В чем дело? Чтобы пробудить ассоциации, я скажу вам о таком понятии, которое существует в философии, понятии, скажем, "Я". В смысле интеллектуальной техники введения этого понятия и обращении с ним оно равнозначно другому философскому понятию, а именно, понятию Бога или божественного интеллекта. От второго понятия прошу мысленно, в голове, отвлечь всякие религиозные ассоциации, потому что я говорю о философском понятии, а не о понятии теологии. В чем сходство этих понятий? В свое время Декарт на материале как понятия Я, так и понятия Бога показывал, что, собственно говоря, само это понятие не имеет предмета, а есть проявление действия в человеке какого-то существования. Отсюда и формулировка: "Я мыслю, следовательно, существую". То есть, нам не нужно искать такое Я, как эмпирический предмет наряду с другими предметами, как мы могли бы увидеть звезды наряду с другими звездами или планетами, столы рядом со стульями, т. е. выполняли бы основные правила научной процедуры, состоящей в том, что для всякого, даже самого абстрактного понятия, должна существовать какая-то процедура, подставляющая под него какой-то объект, на который мы могли бы указать другими средствами, а именно - эмпирическими средствами наблюдения и опыта. Это так называемые предметные понятия. Но есть понятия, которые *не имеют* предмета и не для этого создаются. Это - *символы.* Таким Символом является, например, понятие Я. И когда в философии говорят о Я, или о личности Я, если угодно, то имеется в виду не наше эмпирическое, психологическое Я, которое существовало бы реально и натурально, а некая конструкция, являющаяся сама продуктом некоторого усилия, и существующая лишь благодаря поддерживающему усилию существа, думающего о Я, т.е. имеющего это понятие. То есть сам предмет создается актом мышления о нем, и вне этого акта не существует. В этом смысле он тогда является проявлением существования: Я мыслю, следовательно, существую. Также точно онтологическое доказательство бытия Бога у Декарта сводится к этой мысли, что нет такого предмета, и сама мысль о нем, о Боге, которая ниоткуда невыводима, не может быть рассмотрена как продукт воздействия на нас каких-то эмпирических обстоятельств, которые содержали бы и передавали нам какую-то мысль об этом существе, а есть проявление нашей приобщенности к существованию некоторого сверхмощного божественного интеллекта (я беру этот момент в рамках теории познания, т. е. рассматриваю его как *квази*религиозный).

Какова особенность этих перечисленных мной символических понятий, которые требуют, я повторяю, особой интеллектуальной техники введения их в состав теории и способов обращения с ними? А то, что эти понятия указывают на некую фундаментальную особенность человеческого феномена, состоящую в том, что человек есть, очевидно, искусственное существо. Как в смысле необходимости создания им органов своем жизни, которая не вытекает ни из каких заданных биологических механизмов и не гарантируется никакими природными процессами в своем осуществлении, так и в смысле проблемности существования его в так называемой второй природе или созданной им среде из каких-то особых кентаврических объектов, которые имеют одновременно и свойства объектов, предметов природы, и в то же время природой не создаются, а создаются человеком. Человек создан этой средой, и дело в том, что существование его в *этой* среде - проблематично в том смысле, что эта среда не может существовать, воспроизводиться и продолжать свое существование сама собой. Она должна в *каждый* момент *дополняться* воспроизводством какого-то усилия со стороны человека. Без этого мир умирает.

То есть мы получили две вещи одновременно, мы получили какой-то род бытия, который содержит в себе дыры, скажем так, дырявое бытие, *запрашивающее* какое-то усилие от человека, и без воспроизводства этого усилия не существующее: оно как бы провисает в пустоте и падает, а с другой стороны, мы имеем вот это существо, которое это усилие совершает, как существо *незавершенное,* ни на чем в природе не основанное. Если вы, психологи, вглядитесь в любые способы осуществления специфически человеческих эмоций, целеполагания, реализации каких-то человеческих чувств, мы увидим, что в самих этих механизмах, если угодно не дано, не закодировано никакое осуществление человеком того чувства или состояния,

которое мы интуитивно называем специфическим человеческим Ну, скажем, животное, реализуя свое половое влечение, реализует его согласно переданным и автоматически осуществляющимся механизмам инстинкта, а не распределяет в предметы полового желания формы его осуществления. место его осуществления и т. д.

У человека ничего этого нет. Он (пока условно скажем) все это приобретает. Для того, чтобы мать и сын не были объединены половым желанием, всю многомиллионную историю человечества существует очень сложный и загадочный запрет инцеста - странное, своеобразное культурное учреждение. И смысл его и сложность состоят как раз в том, что оно *понадобилось.*

Человек должен установить определенными способами психологической проработки и развития предметы своих желаний. Они не заданы ему автоматически или машинообразно. Сам факт, скажем, сексуальных отклонений, отрицательно свидетельствует о том обстоятельстве, что нет некоторых механизмов, которые были бы похожи на механизм знания и осуществления посредством знания чего-то, они не предсуществуют какому-то особому человеческому развитию - как онтогенетическому, так и филогенетическому.

И мысль моя состоит в том, что философия, с одной стороны, и личность - с другой, оба эти явления *вытекают* из вот этого основного, описанного мною. А именно, коротко из искусственности и безосновности в природном смысле слова феномена человека. Философия - в каком-то смысле, орган ориентации человека вот в этом пустом и одновременно сложном пространстве, которое, чтобы существовать, требует от человека усилия. На языке философии такое усилие обычно называется трансцендированием. Трансцендированием опыта, существующих порядков, существующих психических механизмов и т. д. Вот некоторое указание на то, что в человеке, помимо того, что мы могли бы описать как натурально существующее, есть еще и некая действующая сила, толкающая его все время к выходу за эти пределы и трансцендированию. Трансцендирование к чему? А ни к чему; поскольку по смыслу символических понятий, которые я перед этим вводил, таких предметов нету. То есть: *есть трансцендирование, но нет трансцендентного,* трансцендентных предметов нет. Кант своей "Критикой чистого разума" на веки вечные установил этот факт, который существовал, конечно, до его установления, - что нет таких трансцендентных *предметов,* в том числе Бога. Есть символы, посредством которых мы обозначаем последствия действия какой-то силы в нас самих.

Поэтому самое содержательное определение свободы (а понятие свободы имеет прямое отношение к личности), - это определение свободы как чего-то такого в нас, что от нас не зависит, что является трансцендированием в том смысле, что оно не имеет никогда никаких конкретных оснований, которые мы могли бы находить в какой-нибудь конкретной, окружающей индивида культуре.

Ну, скажем (я начну с простого), например, честность, добро и тому подобное отличаются от нечестности и зла тем, что последние всегда имеют причины, а первые - *никогда.* Разве какие-нибудь *причины* должны быть для того, чтобы быть честным? Разве существуют какие-нибудь *причины* для того, чтобы быть добрым? И разве мы их ищем, когда интуитивно констатируем добрый или честный поступок? У них нет причин. В случае со злом, с нечестностью мы ищем и находим причины. То есть сами эти понятия нуждаются в указаниях на причины, которые всегда есть. Но какая может быть причина у честности? Да никакой. И эмпирически ее найти нельзя. А вот для нечестности, для зла есть всегда причины, в психологическом и социологическом объяснении они всегда фигурируют, мы всегда объясняем, почему человек поступил зло или трусливо. Но никогда *не пытаемся, я* не говорю, что мы *не можем* объяснить, почему человек поступят добро, я говорю, что мы даже *не питаемся* это объяснить.

Я фактически хочу сказать, что у нас есть в нашем языке, в нашей психологической развитости совокупность навыков узнавания того, что мы называем *личностным действием.* Личностное действие - это то, для чего не надо указывать никаких причин, что невыводимо из того. как

принято в данном обществе, невыводимо и совершилось *не потому,* что в данной культуре такой навык и так уговорились считать, поступать, делать. Ведь что мы называем личностным деянием? Что выделяет личностно действующего человека или индивида? А вот то, что для его поведения нет никаких условных оснований. Оно безусловно. Я имею в виду условности, принятые в *данной* морали и праве, а как вы знаете, все системы *морали* по разбросу их географии, культур, времени и пространства весьма разнообразны, в данных правовых установлениях нет таких оснований. И мы интуитивно называем человека, который в каком-то смысле поступает не то чтобы вопреки всему, я не знаю, как эту мысль выразить, а "ни почему", "так".

Я затрудняюсь это высказать, потому что здесь всегда есть опасность отрицательных определений, скорее похожих на описание чего-то - вроде упрямого и глупого человека, который назло всем делает что-то, обратное тому, что делают они или что от него ожидают, я естественно не это имел в виду, и вы это понимаете, но, тем не менее, выразить то, что я имею в виду, довольно сложно. Сложно не только по причинам нашей личной ограниченности и глупости, но еще и по характеру самих этих инструментов и этих понятий. Как я сказал, это понятия символические. То есть, такие понятия, где само наше личное существование формируется тем или иным образом в зависимости от нашей способности применять и расшифровывать эти понятия. Ну, скажем, такая вещь очень хорошо была известна в христианстве - личностное бытие рассматривалось как такое, которое складывается (удачно или неудачно, полно или неполно) в зависимости от того, как расшифрован символ жизни и тела Христова. Конечно, в смысле того, как в соотнесении с пониманием рассказанного складывается и реально сбывается (т. е. со-бытийствует) жизнь человека, а не желудочного змия, и толкование знаков (как вы видите, я вообще не знаю, как нейтрализовать в ваших головах и своей речи действие обыденного совмещения терминов "символ" и "знак").

Вот это типичный пример той организации жизненных процессов, которые осуществляются понятиями, которые я назвал символическими. Так вот, личностным мы называем то, о чем я говорил, а потому, назвав это личностным, сразу обнаруживаем, что мы употребляем особое понятие, потому что то, что мы локализуем как личность, явно не есть, скажем, грузин, русский, индус и т.д. То есть мы употребляем понятие личности только для того, что составляет в человеке нечто субстанциальное, принадлежащее к человеческому роду, а не к *возможностям* воспитания, культур и нравов. Ну, скажем, я Будду или какого-нибудь индийского мудреца могу узнать *только* в той мере, в какой он сам выделился в качестве *личности,* т. е. не индуса. И вот личностные структуры существуют *только* на этом уровне и в этом разрезе.

Личностные структуры не есть структуры нашей индивидуальности, - это другое понятие, в том числе и в психологическом смысле. Как раз, может быть, в той мере, в какой мы поступаем личностно, мы не индивидуальны, совсем не индивидуальны. И способность поступать индивидуально, но и не стандартно (естественно, здесь другое противопоставление понятий), есть способность оказаться в сфере личностных структур. То есть личностные действия трансцендируют - я уже употреблял этот термин - любые конкретные порядки. И поэтому, собственно, и распознается среди них как особое. Так вот, *этот* тип действий и поддерживает дырявое бытие, т. е. такое бытие, которое организовано так, чтобы воспроизводить*ся* в качестве бытия, мира, космоса, если угодно, *только* при наличии со стороны человека усилия или, теперь уже по ходу разговора в обогащенном нами языке, при уровни трансцендирования как личностного деяния, или наличия личностной структуры. Человеческие установления вообще таковы: они не живут - умирают, без того, чтобы в каждый данный момент на достаточно большой человеческий материал не находилось людей, способных поступать личностно, т. е. способных на уровне собственной неотъемлемой жизненно-смертной потребности, риска и ответственности, понимания и т. д. воспроизводить это установление, например, моральный закон, юридический закон и т. д. А если нет этих, энного числа личностей или хотя бы одной личности, то эти установления не воспроизводятся, т. е. космос умирает. В старых мифологиях эта вещь не то чтобы хорошо понята была, она была хорошо *отработана* в ритуалах. Ведь ритуальные действия считались не просто поклонением какому-то божку, и с этой точки зрения

они глупы в глазах просвещенного человека, а они рассматривались как действия, участвующие в воспроизводстве космоса, упорядоченного тем образом, каким он упорядочен: и если этих действий не будет, то и космос распадется.

Я специально все это говорю, потому что моя задача в том, чтобы вызвать максимальное число ассоциаций и расшифровать наше интуитивное понимание, совершенно не претендуя, я повторяю, строить какую-нибудь теорию, с одной стороны, философии, скажем, а с другой - личности: я далек от этих претензий. В итоге моя мысль состоит в том, что есть особый режим, в котором наша сознательная жизнь вообще существует и осуществляется. Установившийся режим, воспроизводство которого есть условие и содержание воспроизводства человеческого феномена. Так вот, и философия, как деятельность, т. е. как размышление, и личность как сложившаяся структура, имеют отношение к этому режиму, в каком сложилась наша сознательная жизнь, и в каком она только и может воспроизводиться. То есть они обе вытекают из особенностей этого режима. И в этом смысле, если я сказал, что личностное - это всегда трансцендирующее, то я тем самым указал на то. что в личностном элементе, или в личностных структурах, содержится вообще тот резервуар развития, который есть в истории, который обеспечивает, в смысле человеческого материала, то. что человеческая эволюция не может зайти в какой-нибудь эволюционный тупик.

То есть когда я говорил трансцендирование, то, с одной стороны, имел в виду усилие. Но это - хрупкая вещь. А вот когда оно дано на личностных структурах - тогда уже есть какая-то гарантия, гарантия развития исторических и формообразующих сил в человеке, таких, которые способны участвовать в изменении всегда конкретных, частных и ограниченных, устоявшихся исторических, культурных, моральных, юридических порядков. Если бы не было резервуара *выхождения* за порядки, конкретные порядки человеческого бытия в каждый данный момент, то, очевидно, человеческое развитие давно бы прекратилось. Но наличие такого резервуара связано не только с нашим желанием жить и иметь историю, которая бы не кончилась, а оно связано вообще с характером тех структур, в рамках которых человек живет и свою сознательную жизнь осуществляет. Они с самого начала, как я говорил, основаны, я бы сказал, на искусственности человеческого феномена, т. е. неданности человеческого в биологическом, лишь *потенциально* человеческом существе. С самого начала история пошла по пути создания этих *сильно* организованных структур, которые своей работой воспроизводят на биологическом материале человеческие возможности.

Для психологического наблюдения это очень сложный перенос угла зрения, одновременно и необходимый для психологического наблюдения, и чрезвычайно мало для него уловимый и трудный. Потому что позитивные психические явления - те же самые, вне зависимости от того, есть структура или ее нет. Они могут быть измерены и наблюдаемы, как, например, реактивность биологического человеческого существа или его приспособительные и сохранительные особенности. Они сопровождают любые специфически человеческие структуры, т. е. те, которые я назвал таковыми. И поэтому всегда в наблюдении мы имеем одно неотделенным от другого. И у нас есть тенденция, неизбежная, - описывать в качестве человеческого именно *позитивно* наблюдаемые психические явления.

Ну, скажем, когда-то наш генетик Эфроимсон в дискуссии, которая была на страницах "Нового мира", с весьма благими намерениями (добрыми намерениями, я не вкладываю в это никакой иронии), будучи сам человеком добрым, порядочным, хотел обосновать необходимость быть всем добрыми и порядочными. А будучи позитивным ученым, и желая доказать, что всем нужно быть добрыми и порядочными, он имел в виду, что это и *выгодно* к тому же в фундаментальном биологическом смысле слова, что выгодно, скажем, как фактор генетической эволюции определенного рода, определенной совокупности существ, называемых людьми: они должны были быть благородными, справедливыми и т.д. и т.п., потому что так могли *выживать*. В действительности никаких таких оснований нет. Это все выдумки с добрыми намерениями. Я повторяю, что эти вши не могут в принципе ответить на то, что можно получить путем простых философских соображений, и что я уже излагал. А именно: для зла и нечестности всегда есть

причины, мы интуитивно их всегда ищем. и никогда их не ищем для добра и честности. Вот именно потому, что по самому содержанию и определению этих понятий, состояний, они не нуждаются ни в каких причинах.

Но дело в том, что те структуры (а это сильно организованные структуры), о которых я говорил, канализируют определенным образом позитивные психические явления так, чтобы они могли *воспроизводиться* на основе связи самих этих структур, а не перетекать в дурную бесконечность, потому что мы не можем быть в одинаковом психическом состоянии, скажем, в состоянии благородного возбуждения, интеллектуального интереса, с одинаковой интенсивностью переживать любовь, привязанность, потребность совершать добро и т. д. и т. п.

Психика - ненадежное основание для таких вещей. Потому что есть законы (физиологические), по которым вспыхивают и погасают наши нервные состояния. На них далеко не уедешь. И животные на них далеко и не уезжают, а человек - помнит, сохраняет *привязанность* и т. д. Почему он помнит и сохраняет привязанность, интересы? А потому, что для воспроизводства появляется бесконечная основа, лежащая в самих структурах, потому что эти структуры *воспроизводят* свои собственные основания, на что не способна никакая натуральная психическая база. Там, в психике, следствия *не могут* воспроизводить свои причины в качестве чего-то, что бесконечно порождало бы эти же следствия. А, скажем, механизмы предмета искусства - таковы. А ведь искусство-то - самое древнее человеческое установление. И ведь не случайный факт, что *ни одно* антропологическое исследование не нашло сколько-нибудь развитых черепов или орудий в таких местах, где рядом с этими же орудиями или в нескольких километрах от них не было бы наскальных (я условно говорю) изображений.

Так вот, такими же сильными структурами, создающими *базу* психике, для того, чтобы на этой базе психика воспроизвелась в качестве человеческой, были и ритуалы. Позже число таких структур, естественно, увеличилось, и они усложнялись, появилось множество других, но все они похожи одна на другую вот в этом их разрезе или в этой их роли.

Фактически мысли, которые я вам сейчас излагаю, принадлежат вообще философии, а не какому-нибудь отдельному философу, это-элементы философского настроя, а не изобретение кого-нибудь. В свое время один из философов иллюстрировал это, рассуждая о сложностях современного мира и сформулировал нечто вроде почти что космического закона: что *большое* усложнение на одной стороне, т. е. на стороне объективных структур, структур второй природы, общественник. экономических и каких угодно, должно сопровождаться (не в качестве этического пожелания, а в силу структурных причин) на другой стороне большим усилием. И вот, здесь очень легко понять, о чем идет речь. если, переводя на другой язык, проиллюстрировать эту мысль следующим образом. Ну, скажем, мы живем в мире, который в основном определяется одной очень важной деталью (конечно, и не только ею), а именно: мы живем в уровнях общественного массового производства. Оно для нашей проблемы интересно тем, что общественное *массовое* производство вещей означает то, что все *меньшее* число людей творчески занятых способно воспроизводить жизнь и управлять все *большим* числом людей, которые могут быть вообще никак не заняты - не требуется этого. То есть я хочу сказать, что в современном мире возродился в каком-то смысле феномен хорошо известный в античном мире, феномен паразитизма большого числа людей. Паразитизма не личного, каждого из них в отдельности, а паразитизма именно как *большого числа.*

Представьте себе такой факт, что в современном обществе, в *котором* наука обслуживает производство, где изобретаемые в приложении науки к производству *схемы* могут мультиплицироваться в такой массово производимой продукции, которая своей массой дает обществу достаточную прибыль, чтобы общество могло бы *содержать* все растущее число людей, *все менее* и *менее* приобщенное к *источникам* богатства. То есть под паразитарными слоями я имею в виду людей, которые своим *трудом, своими усилиями и условиями своего существования* не приобщены к источникам того богатства, которым они могут пользоваться. Но в условиях всеобщего просвещения и решенности всех основных задач буржуазного

просвещения у всех этих людей есть язык, грамотность, образование и духовные и личные потребности.

Чтобы им жить в мире, который они могли бы *понимать,* нужно много работать... над собой. Вкладывать капитал. А работать... не хочется. Человеку (как эмпирическому существу) это нередко свойственно. Беда еще в том, что в современном обществе появились заменяющие работу схемы, которые делают понятным мир. Это идеологические схемы, которые удовлетворяют сращенность основ личного существования с каким-то пониманием, а человек ведь не может жить, не уважая себя, без личного достоинства - он чего-то ожидает от себя. Так вот, если какая-то идеологическая схема удовлетворила *без труда* (я повторяю, жить-то хочет достойно, а трудиться ленится) его личную потребность, т. е. сделала мир, в котором он живет, не сложным, а простым и *поэтому* понятным, то она неразрушима.

Итак, с одной стороны, мы имеем рост числа людей, жизненные условия которых не связаны с условиями их богатства, и с другой - среди людей популярны идеологические схемы, *упрощающие* действительность, избавляющие от необходимого труда, от необходимого развития. Чтобы воспроизводился сложный мир, должно воспроизводиться сложное усилие *саморазвития,* т. е. капиталовложения о *себя,* в свои способности. деяния, воображение, мышление. То есть представьте: без этого мы будем иметь полностью застойное общество. Как раз тот тупик, во избежание которого в человечестве исторически были заложены какие-то механизмы.

Так вот, философская деятельность имеет к этому очень серьезное отношение по одной простой причине: философия отличается от науки тем, что это интеллектуальная деятельность, направленная на то, чтобы в любой новой или сложной ситуации воссоздать способность человека *понимать и находить себя и свое место* через то знание и информацию, которые он имеет о мире. Фактически философия пытается дать человеку возможность найти себе *место,* понятное место *в том мире, который описывается знанием.* Представьте себе, что вполне возможен какой-то мир, который описывается знанием, и *если.* человек *не может* найти себя, осмысленное для себя место в такой мере, *как* описано *знанием,* то это знание перестает для него быть человеческим богатством.

То есть философия - своего рода деятельность, направленная на то, чтобы составить правило интеллигибельности того мира, который описывается наукой и положительным знанием. Философия - деятельность, направленная на то, чтобы постоянно оживлять и фиксировать *место* человека в *том* мире, из которого приходит информация. Место не человека, наблюдающего мир и внешнего ему, а место некоего существа в том источнике, который и нам активно поставляет информацию, даваемую нам наукой. Если не удается этого делать, то мы на эмпирическом уровне или обыденным языком описываем эти ситуации часто как отчуждение, аномию и т.д. и т.п. В действительности философия в этом смысле может быть определена как некоторый бытийно-личностный эксперимент, продуктом которого является *личность* на одной стороне, а на другой - *картина* такого *мира.* в котором эта личность *могла* бы осмысленно жить, ориентироваться, понимать и *воспроизводить* себя в этом мире в качестве именно *личности.*

Я хочу сказать, что человек есть какая-то совокупность фундаментальных человеческих *требований* к миру, каким он должен быть. Это неотделимо от феномена человека. А знание нам описывает мир как таковой. Философская *деятельность* внутри знания, пользуясь средствами знания - понятиями, состоит в том, чтобы выявлять каждый раз *такой мир, в котором* личность могла бы жить (или, выявив, не хотела бы жить - это одно и то же).

И философы в этом смысле (так называемые великие философы) есть люди, которые экземплифицировали экспериментально способ бытия такого рода. Поэтому нас всегда интересуют *записи.* Они к тому же оставляли всевозможные записи - книги, тексты. И поэтому мы всегда к ним обращаемся, а в науке мы обращаемся часто просто к анонимно зафиксированной формуле. Нам не обязательно добираться до оригинала текста. А вот в

философии существует эта интуитивно несомненная задача всегда обращаться к оригиналу. Мы ведь не будем просто выжимку из Платона в качестве знания воспроизводить, а нас интересуют диалоги Платона, облик Платона. И не психологический облик, а облик бытийный, где на собственной плоти и крови, на риске собственной жизни, на собственном *теле* осуществлялся некий бытийно-личностный эксперимент, который нам остается как изобретенная *форма жизни.* И понятно из того, что я говорю, какое фундаментальное отношение философия имеет к личности или ко всему тому, что в *принципе* могло бы сконструироваться или чему мы могли бы научиться в качестве личностного действия. То есть сама конструкция возможного личностного действия включает в себя элементы философской процедуры. Причем философская процедура необязательно должна быть профессиональной, специальной. Но *она* будет философской. Иногда даже бывают такие философские эпохи, внутри которых самые богатые построения философских систем начинаются, когда накоплен достаточно большой материал *реального* философствования не профессионалами, академическими философами, а учеными, художниками, философствующими *внутри* своих собственных знаний, *реально* философствующими.

Так вот, я хотел сказать в завершение еще несколько таких оговаривающих, предупредительных, что ли, вещей. Я ведь с самого начала сказал, что не развиваю никакой философской теории личности. И теперь снова возвращусь к этому предупреждению, уже несколько иными словами. Вообще, личность, как и человек, не есть *предмет* философии. Предметом философии является та задача, о которой я перед этим говорил. Философия выполняет эту задачу, строя определенного рода предельную ситуацию. Она вводит предельные объекты, в том числе Я, Бог и т. д., чтобы на этих *объектах* обсуждать определенные проблемы. Без введения предельных и экспериментальных (в том смысле, о котором я говорил) представлений не существует философской деятельности. Философия - это всегда мышление-на-пределах. Но оно не есть мышление о человеке или личности, *хотя* результатом философствования всегда является личность. Я не говорю, что личность является *только* результатом философствования, я говорю - в том числе. Но во всяком случае, результатом философствования всегда является личность, хотя и не в том смысле, что она предмет философстовования. Я как-то однажды уже приводил этот пример: нельзя сказать, что предметом живописца является краска, хотя она составная часть предмета, изображенного на полотне. Точно так же и в философии. Я бы сказал, что это как бы материал движения и средства, а в целом философия есть часть той *протоплазмы,* которой питаются и в которой воссоздаются человеческие феномены. То есть я говорил вам о трансцендировании, о пространстве, которое наполняется символами, высоко организованными структурами, например, предметами искусства, ритуалом, нормами и пр., и это - *протоплазма* человеческих явлений. Или, если угодно, божественная среда человеческих явлений, в том смысле, что это не есть натуральная среда. Она не дана. Ее *не существует.* И вот философия участвует в создании такой протоплазмы, вводя в нее некоторые представления, которые являются специфическим ее продуктом.

Значит, с одной стороны, философия как работа на пределах, а с другой - личность, о которой, резюмируя то, что я говорил, личность, которую мы интуитивно узнаем через личностный поступок, не вытекающий из конкретного, частного: частной системы морали, частной юридической системы. Тогда это личность. Но личность, она - как участие, жизнь в этой протоплазме как среде, о которой я говорил и которая натурально не существует. И личностным вопросом является прежде всего тот, который адресует к себе человек и который я выражу следующим образом: общество и история могут нас наказывать, но с тем, как нас наказало общество - скажем, нам дали пять лет тюрьмы, - с этим можно прожить, с этим можно жить. А вот о чем-то, что человек адресует самому себе иногда, бывает невозможно прожить. То есть это серьезнее, чем любая оценка, вытекающая из конкретных моральных, юридических установлений.

...Я хотел бы еще сказать, что мысль, которая вытекает из всего вышесказанного, резюмирует не проблему и философии, и личности, а истоки этих проблем: т. е. искусственность человеческого феномена, необходимость усилия и пр., могут позволить нам сделать вывод, что человечество в

каком-то смысле можно определить как эксперимент или авантюру быть человечеством. И, естественно, эта попытка может удасться, а может и не удасться. Вот и все. Философия - поддержание и сохранение определенных традиций личностного бытия. Поэтому это всегда - диалог с философами прошлого так же, как память об отцах.

Л. Н. Анциферова. Разрешите мне задать такой вопрос, мне кажется, очень существенный и для философской, и для нашей психологической работы. Вопрос следующий. Где можно усмотреть истоки той активности, которая позволяет личности, человеку, как вы сказали, трансцендировать, т. е. выходить и за свои пределы и за пределы этих, хорошо сложившихся, исторически вроде оправдавших себя сильных структур? А он все-таки выходит за их пределы. Он все-таки их преобразует, меняет. Вот в чем же истоки этой активности, и как можно на определенных этапах воздействовать на эту личностную активность?

М. К. Мамардашвили: Ну, конечно, очень трудно ответить на этот вопрос, потому что истоки этой активности уходят не то что в незапамятные времена, уходят вообще в сами основания и в появление человеческой жизни как особой вещи, но как-то очертить важные для нас контуры проблемы можно. То есть сама эта активность (возникновение ее в составе космоса) связана с тем, что появление человека совпадает с образованием какого-то нового жизненного принципа, в широком смысле этого слова. Ну, так же, как мы говорим, что есть какие-то принципы в биологии. Сама жизнь есть какой-то новый принцип в составе космоса, скажем, биологическая жизнь, какой-то другой принцип жизни, принцип функционирования систем, природных систем, который мы ощущаем. Какой-то особый принцип, в отличие, скажем, от механического принципа, и пр.

А вот наблюдение человека, такое же натуралистическое его наблюдение, т. е. наблюдение натуральных фактов под углом зрения выявления этой активности, оно говорит о том, что с появлением человека появляется новый принцип, и этим новым принципом является само *свободное* действие как таковое. В отличие от инстинкта и мышления. С одной стороны, инстинкта, с другой - мышления. Есть совершенно особый *натуральный* феномен, точность, совершенно непонятная точность свободного действия. И оказывается - и психологические исследования это показали, - что возникновение таких гештальтов, которые содержат в себе *картину мира,* а не что-нибудь другое (потому что не всякий гештальт содержит в себе картину мира), связано с тем, что нужно мир разбивать на куски и из обломков что-то собирать. Это разрушение реактивных структур, заданных натурально структур, и потом воссоздание действующей структуры, действующей в другом принципе, скажем, принципе свободного действия, и есть активность.

Мне кажется, что даже в простых психологических вещах мы видим эту деятельность, состоящую часто в разрушении в воссоздании на других каких-то основах, и я лишь добавлю. что эти основы обеспечивают бесконечность феномена, они воспроизводят свои собственные основания.. Например: эстетический феномен таков, нравственный феномен таков, скажем, плакать - это реакция, сама себя исчерпывающая реакция, а испытывать горе - это другое. Это *искусственно,* а не *естественно.* Искусственно в том смысле, что человеческий материал в моем лице должен пройти через эти структуры на этих основах воспроизвести себя в качестве человека, или существа, потенциально способного испытать человеческое горе. Или человеческую привязанность и т. д. и т.п. Я уже не говорю о том, что на уровне гештальта в зрительном восприятии совершенно четко прослеживается этот процесс разрушения реактивно складывающихся структур и переорганизации всего материала на основе свободного действия. А свободное действие? Так вот, это и есть трансцендирование. То есть это можно проследить даже на эмпирическом материале. Я-то считаю, что все, что я говорил из того, что есть в философии, имеет существенное отношение как раз к организации (я не пытался это подчеркивать) позитивного исследования.

Потому что в конце концов задача психологии состоит в том, чтобы понимать *человека,* а не понимать, почему, если ущипнешь его, он подскакивает на пять, а не на десять сантиметров. Так

ведь? Это само собой разумеется. Но и на материале сугубо позитивных проблем можно увидеть: человек *раскалывает* мир, в том числе зрительный мир на мелкие куски вдребезги может расколоть. А почему это является условием последующего? Ведь обычно, чтобы перейти от этого стакана к тому, не надо этот стакан ломать. Ведь физические связи не осуществляются таким образом. Они не требуют такого разламывания мира. А вот новый принцип требует этого. И на нем основана вся человеческая сознательная жизнь. И он, новый принцип, поддающийся исследованиям, которые оперировали бы не философскими понятиями, или понятиями, описывающими личность - я эту задачу выбрал, - а понятиями объективно-психологического исследования.

Вопрос: Вот эти сильные структуры, которые находятся вне нас, мне кажется, иногда легче разрушить и воссоздать какие-то новые, чем те структуры, которые находятся во мне самой. В личности. А вот для психологии это преобразование в ходе развития личности, это саморазрушение своей структуры, которое протекает мучительно, часто приводит к личностным кризисам. Нет ли у философии каких-то интересных подходов к способам их объяснения и к способам подыскивания каких-то условий, которые могли бы помочь даже просто при какой-то конкретной работе смягчить эту мучительную работу преобразования собственных сильных структур?

Ответ: Нету. Так вот, понимаете, философия ведь есть в действительности просто удивление, скажем, перед тем фактом, что вообще что-то человеческое воспроизводится. Потом что философ понимает, что на это нет никаких основами. Кроме описанных, тех, которые продукты работ. Ну, ей-богу, нет. Ну, почему, скажем, Сократ рассуждал каким-то образом, строил диалог, в котором выступают определенные человеческие качества? Почему потом это люди помнят, воспроизводят, продолжают дальше? - это самое большое чудо, которое только бывает. И оно не имеет никаких оснований. Когда усилие потом воспроизводится еще каким-то усилием, которое поддерживает жизнь продукта, предшествовавшего усилию, - это самое большое чудо. Потому что нет оснований. Риск сплошной. И то, что при существовании такого колоссального риска, еще что-то происходило и случалось тем не менее, а история говорит, что случалось, и память о такого рода вещах у нас все время расширяется и расширяется, а их было много,- вот самое большое чудо.

И в этом смысле облегчить, наверное, ничем невозможно, хотя Сократ изобрел определенное искусство - майевтику. С тех пор люди все время изобретали майевтику, но Сократ ведь не рожал за того. кто должен рожать, тот кто рожал, рожал с болью и риском, а Сократ майевтику разработал, т. е. какое-то вспомогательное средство, оно чем-то облегчайте, но родить-то за кого-либо он не мог. В случае Сократа мальчик сам должен был вспомнить то знание, которое у него уже якобы было, это его акт, не заместимый никем другим. За другого ведь понять невозможно. Все равно, как бы вы ни построили процесс обучения, он будет, скажем, в каждой детали детерминирован, и переход от одной детали к другой детерминирован, но между последней деталью, детерминированной в процессе обучения, и вспышкой понимания в голове обучаемого будет пространство, непроходимое детерминацией. Зазор будет всегда. Мы его можем максимально сузить, но он останется. И он должен заполниться чем-то. Заполниться не цепью детерминации, адресованных субъекту воспитанием или объектом воспитания: рожать-то ему.